

Менавіта зварот мітрапаліта Пятра Магілы, яго папалечнікаў і паслядоўнікаў да кірыла-мяфодзіеўскіх традыцый дазволіў адрадіць духоўнае жыццё на землях ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Занядбанне кірыла-мяфодзіеўскіх традыцый, на якіх грунтавалася ўся старабеларуская культура як харызматычнай, так і схаластычнай арыентацый, у пазнейшыя часы прывяло да звужэння патэнцыяльных магчымасцей і сферы ўжывання новай беларускай літаратурнай мовы.

Боянков П.В., *православный священник
Свято-Духова кафедрального
собора (Минск)*

НА ПУТИ К ЦЕРКОВНОМУ БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ

Проблемы перевода церковнославянских богослужебных текстов на современный белорусский язык в течение последних пяти лет приобрели особую актуальность, вызвали острую полемику. В ходе такой полемики весьма ярко проявились два взаимоисключающих подхода.

Первый из них: переводы с церковнославянского на белорусский не нужны и, более того, вредны, поскольку являются порождением определенной (возможно, временной) политической реальности, внешней по отношению к Церкви.

Второй и прямо противоположный первому: перевести все православное богослужение на белорусский язык спешно, повсеместно и чуть ли не принудительно именно в силу той же политической реальности.

Теперь, по прошествии времени, можно вполне однозначно утверждать: ни один из этих крайних подходов победы не одержал. В противовес этим крайностям в нашей Церкви проводится тщательная, кропотливая работа над переводом текстов Священного Писания, шлифуется богословская и богослужебная терминология, издается

религиозная литература на белорусском языке. При этом учитываются “прежде всего духовные интересы самых широких кругов православных верующих”. Непродуманная поспешность в данном случае только повредила бы делу. Тем более, что “создавать богословские системы, развивать литургическое богословие, переводить богослужбные тексты невозможно, пока нет благословленного Церковью соборного перевода библейских текстов”. Это весьма авторитетное утверждение митрополита Минского и Слуцкого Филарета трудно оспорить.

Реальная жизнь вносит свои коррективы в любые человеческие планы. В качестве примера можно рассмотреть динамику развития тиражей “Беларускага праваслаўнага календара”, одним из составителей которого мне довелось быть (к слову, наш календарь удостоился в свое время высокой оценки писателя и переводчика Анатоля Кльшкы, который назвал его “маленькой праваслаўнай энцыклапедыяй”). В 1994 году календарь был напечатан в количестве 10 тыс. экз., в 1995 — 1 тыс., в 1996 — 2 тыс., в 1997 — 500 экз. Для сравнения: ежемесячная газета “Царкоўнае слова”, выходящая на белорусском и русском языках, имеет устойчивый тираж в 15 тыс. экз. при 12 тыс. подписчиках. Так своеобразно, но отчетливо проявляются “духовные интересы широких кругов православных верующих”.

И поэтому все мыслимые и немыслимые обвинения нашей Церкви в “русификаторстве” не имеют под собой никакой почвы. Более того, исходя из своего личного опыта, берусь утверждать: чем больше тех или иных претензий высказывает кто-то по отношению к православной церкви, тем больше он отстоит от этой церкви в своей повседневной жизни, тем меньше способен разобраться в ее духовных проблемах.

Например, Леонид Лыч утверждает, что на Белосточчине церковь “правіць службу на рускай мове”. Означает ли это, что польская автокефальная православная церковь по непонятным нам причинам также заинтересована в пресловутом “русификаторстве”, проводя богослужения на

церковнославянском (конечно, не на русском!) языке? По нашему же мнению, все дело — в свободной воле самих православных прихожан, и ее, эту волю, следует уважать.

С учетом всех изложенных выше соображений рассмотрим основные требования, которым должны были бы отвечать переводы с церковнославянского на белорусский язык.

Об одном из важных аспектов недавно высказал свое суждение митрополит Минский и Слуцкий Филарет: “У всякого языка есть, как известно, несколько планов: есть житейский план — естественных потребностей; есть близкий к нему и все же отличимый — душевных чувств и страстей; есть язык политики, философии, поэзии и, наконец, наиболее возвышенный стиль — в языке Божественного откровения, молитвы, богословия. Его называют в Церкви языком литургическим. Его назначение — запечатлеть в умах и сердцах молящихся присутствие иного, высшего мира. Заменить этот язык повседневным — значит неизбежно снизить духовный уровень богослужения”. Вывод: переводимый текст не должен терять глубины, а тем более искажаться. В уже упоминавшемся “Беларускім праваслаўным календары” мы пришли таким путем от “Ператварэння” к “Праабражэнню”, от “Дабравешчання” к “Благавешчанню” и т.д.

Так ли уж следует бояться насыщения белорусского языка церковнославянскими терминами в случае отсутствия в нем их аналогов? Здесь уместно процитировать совместное заявление Патриаршей Синодальной, Белорусской и Северо-Западной библейских комиссий: “Церковнославянская Библия представляет для восточных славян одну из величайших церковно-исторических и национально-культурных ценностей, принадлежащих не только прошлому, но и также настоящему и будущему. Поэтому в Русской Православной Церкви при любой работе по совершенствованию уже существующих и по созданию новых восточнославянских библейских текстов следует использовать церковнославянский библейский перевод”. И далее: “В Русской Православной Церкви нет никаких

оснований для того, чтобы прервать восточнославянские библейские традиции”. Язык святых Мефодия и Кирилла для нас не иностранный и нам не чужой. Вот мнение членов Белорусской библейской комиссии: “Як сведчаць бібліеісты і славісты розных краін, царкоўнаславянскі пераклад найлепш адпавядае духоўнасці грэчаскага арыгінала”.

Необходимо учитывать и здоровую консервативность церковной среды. Когда священник или диакон прочитывают поминальные записки, то видят там всевозможные варианты имен: уменьшительные, ласкательные, простонародные, но произносят их всегда по-церковнославянски (“Імёны ... царкоўнаславянскай формы, прывычнай для ўсіх пакаленняў праваслаўных беларусаў”). Следовательно, нужно максимально приблизить белорусское произношение имен к церковнославянскому (см. например “Звод імёнаў святых” в нашем календаре). И хотя в свое время голоса членов Белорусской библейской комиссии разделились, тем не менее возобладало следующее мнение: “Імя Госпада нашага — Іісус — дадзена з падвойным ‘і’, у дакладнай адпаведнасці з грэчаскім арыгіналам Евангелля, яго царкоўнаславянскім перакладам і шматвекавым традыцыйным ужываннем у малітвах праваслаўных вернікаў”. Последний аргумент, несомненно, следует отнести и к названиям чудотворных и чтимых икон Божией Матери (“Неопалимая Купина”, “Всех Скорбящих радость” и т.д.).

Только руководствуясь этими основными ориентирами, можно достичь конечной цели всех переводов с церковнославянского на белорусский язык: создания церковного белорусского языка. И в этих словах нет преувеличения. Не случайно Белорусская библейская комиссия была вынуждена отметить “адсутнасць у беларускай мове дастаткова распрацаванага высокага стылю, неабходнага для перадачы літургічных тэкстаў і багаслоўскай тэрміналогіі”. Эту же мысль высказывал и митрополит Филарет: “Главная цель ... перевода — это соборное выработывание литургического стиля белорусского языка”.

А это значит, что поверхностное и конъюнктурное отношение к указанной проблематике абсолютно недопустимо. Будем же помнить слова апостола Павла: “Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер” (I Кор. 14:9).

*Кулажанка Л.Я., канд. гіст. навук, сябра
Брацтва трох віленскіх мучанікаў*

АСВЕТНИЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ПРАВАСЛАЎНЫХ БРАЦТВАЎ: ТРАДЫЦЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Прыкметную з’яву сённяшняга жыцця ўяўляюць адраджэнне і дзейнасць праслаўных царкоўных брацтваў на Беларусі. Некаторыя з іх, як, напрыклад, праслаўнае Брацтва трох віленскіх мучанікаў пры Петра-Паўлаўскім саборы г.Мінска, імкнуцца да пераемнасці гістарычных традыцый брацкага руху XVI—сярэдзіны XVII стст., аднаўляюць выпрабаваныя жыццём формы і напрамкі дзейнасці. Зварот да гістарычных традыцый тлумачыцца, відавочна, не толькі суб’ектыўнымі (жаданне праслаўнай інтэлігенцыі вывучаць і засвойваць шматгранны вопыт праслаўнай царквы на Беларусі), але і аб’ектыўнымі прычынамі. Нягледзячы на часавую аддаленасць, можна ўгледзець пэўныя гістарычныя аналогіі ў грамадска-культурнай сітуацыі канца XVI—сярэдзіны XVII ст. з сучаснай. Перш за ўсё падабенства выяўляецца ў высокай ступені абвостранасці праблемы выбару паміж Усходам і Захадам, што мела і мае лёсавызначальнае значэнне.

Вядома, што праслаўныя брацтвы як рэлігійна-дабрачынныя і культурна-асветныя аб’яднанні гарадскога насельніцтва беларускіх і ўкраінскіх земляў Вялікага княства Літоўскага найбольш плённа праявілі сябе ў арганізацыі школьніцтва і кнігадрукавання. Асветная дзейнасць брацтваў разгортвалася ў экстрэмальных умовах і была адказам на тую